

СРЕДИ четырехсот работ художника Ильи Глазунова на выставке в Манеже было немало книжных иллюстраций, которым посвящен наш сегодняшний разговор.

Известно, что существуют теории, по которым иллюстратор либо соавтор, либо соперник автора — кстати, практика дает примеры того и другого типа художников книги. Поэтому я вначале спросил, кем же считает себя Илья Глазунов; вот его ответ:

— Когда я работаю над произведениями классической литературы, то думаю, как воплотить в зримых образах замысел писателя, его философию, стиль его повествования. Классика — нетленный мир, жизнь которого обязана продолжаться в иллюстрациях. Поэтому, мне кажется, иллюстратор должен быть медиумом, через которого мысли и образы писателя обретают зримую плоть. Он не должен быть ни соавтором, ни соперником. Его задача — трансформация мыслей и образов писателя. Здесь русская графика имеет и великоленные традиции, и великие образцы. Можно сослаться хотя бы на работу Александра Бенуа над «Медным всадником», Мстислава Добужинского над «Белыми ночами» и Ивана Билибина над русскими сказками. Это так же прекрасно, как, скажем, исполнение Святослава Рихтера или Герберта фон Караяна, как их понимание идей, заложенных в музыкальных произведениях. К сожалению, сейчас очень часто понятие иллюстрации книги подменяется понятием оформления, когда художник следует приему, а не традиции.

— Тем не менее в «Белых ночах» вам пришлось соревноваться с Добужинским...

— Правильнее было бы говорить не о соревновании, а об индивидуальном понимании произведения. Добужинский раскрывает содержание повести через атмосферу города, избегая психологических портретов Мечтателя и Настеньки; у Добужинского ее лицо даже отвернуто, если помните. А мне как раз хотелось в этой вещи, где главная идея — реальность мечты и ирреальность мира, передать именно образы героев, если хотите, дать их портреты. Работая над Достоевским, я вспоминал мой родной город, таинственное марево белых ночей, дома, опрокинутые в тихие каналы, каменные колодцы старых дворов, где любили и страдали униженные и оскорбленные герои великого провидца; я вырос в этом городе...

— Вам приходилось работать над произведениями разных авторов...

— Приходилось. Но предпочитаю я русскую классику. Для меня ее образы тесно связаны с нашей историей и представляют собой своего рода энциклопедию русской жизни помноженную на философию писателя. Я работал над иллюстрациями к произведениям Н. Некрасова, А. Блока, Н. Лескова, А. К. Толстого, С. Аксакова, П. Мельникова-Печерского и других. Я глубоко убежден, что путь к интернационализму в искусстве лежит через национальное, самобытное начало. Англичанин Шекспир — для всех, француз Бальзак — для всех, немец Гёте — для всех. Почему? По той же причине, по какой русский Достоевский — интернационален: как вся-

НЕТОЧКА С АРБАТА

кий великий писатель, он говорит о вечных проблемах добра и зла «через» национальное.

Конечно, существуют творческие трудности, общие для всех, кто занят работой над книгой. Скажем, я мучительно долго думал и все не мог представить себе Неточку Незванову зримо. Только после примерно года поисков я вдруг увидел на Арбате девочку, поразившую меня своей бледностью, истовостью, каким-то недетским взглядом на детском личике. Она и явилась прототипом той, кого я искал, чувствовал, но не мог воплотить. А теперь, работая над романом «Братья Карамазовы», я так же мучительно ищу конкретное воплощение образов Грушеньки, Алеши и Дмитрия.

— На первый взгляд, вам должен быть близок русский фольклор, в частности сказки; тем не менее вы их не иллюстрируете. Почему?

— Иллюстрировать сказку очень трудно: она сочетает в себе предельную условность и предельную реальность. Я мечтал бы проиллюстрировать русские сказки, я много думаю об этом...

Близится 600-летие Куликовской битвы, сыгравшей огромную роль в судьбах России и Европы: кстати, если бы исход сражения был иным, наш народ мог растаять в волнах чужеземного нашествия, а в Мадриде и Кельне могли оказаться совсем другие этнические типы — все было бы раздавлено ордой. Я хочу передать суровую правду того времени в реальных образах и не пойду по пути стилизации иконы. Я хотел бы пока-

зать реализм истории, потому что Дмитрий Донской, великий общественный деятель Древней Руси Сергей Радонежский, монахи-воины Ослябя и Пересвет были реальными людьми в реальной исторической ситуации.

— И последний вопрос в нашем коротком разговоре: несколько слов о ваших театральных работах — так сказать, иллюстрациях к спектаклям.

— Я с детства мечтал быть театральным художником. А первым, кто сказал, что я мог бы работать для театра,

был Николай Александрович Бенуа, главный художник «Ла Скала»: «Вы должны оформить какую-нибудь русскую оперу». Тогда, лет десять назад, этот замысел не был осуществлен. А не так давно, когда я был в ГДР, директор Статс-оперы и прославленный музыкант Пишнер, посетив мою выставку, сказал: «В вас пропадает театральный художник. Я бы хотел, чтобы вы оформили для нас ту оперу, которую желаете». Я сразу ответил: «Борис Годунов». — «У нас всего год назад прошла премьера...» —

«Тогда — «Князь Игорь» или «Град Китеж». И для меня большая честь, что над «Князем Игорем» я сейчас работаю вместе с нашим замечательным режиссером, народным артистом СССР Б. А. Покровским.

Несколько месяцев назад главный режиссер Камерного еврейского музыкального театра, организованного в прошлом году, Юрий Шерлинг обратился ко мне с предложением быть художником-постановщиком первого спектакля «Черная уздечка белой кобылицы» по мотивам произведения Шолом-Алейхема. Мне понравилась музыка, написанная Ю. Шерлингом, она современна и основана на подлинных национальных мелодиях...

Григорий ЦИТРИНЯК

Иллюстрации И. Глазунова к рассказу Н. Лескова «Пугало» (слева) и повести Ф. Достоевского «Неточка Незванова»

Мир. газета, 1978, 23 авг.